

Отримано: 8 вересня 2018 р.

Прорецензовано: 5 жовтня 2018 р.

Прийнято до друку: 6 жовтня 2018 р.

e-mail: kunsite.zi@gmail.com

DOI: 10.25264/2519-2558-2018-3(71)-108-110

Павельева А. К. Просторово-часова структура повісті М. В. Гоголя «Пропала грамота». Наукові записки Національного університету «Острозька академія»: серія «Філологія». Острог: Вид-во НаУОА, 2018. Вип. 3(71), вересень. С. 108–110.

УДК 821.161.1

Павельева Анна Константиновна,

кандидат філологічних наук, Полтавський національний технічний університет імені Юрія Кондратюка

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА»

В статье определяются сюжетотворческие пространственно-временные рамки повести Н. В. Гоголя «Пропавшая грамота» – мистическое пространство («нечистое место» или «пекло») и хроникально-бытовое и социально-историческое художественное время (эпоха правления Екатерины II). Автор исследования указывает на то, что завязка повести происходит в рамках хронотопа дороги, который, в свою очередь, тесно связан с хронотопом ярмарки. Кроме того, хронотоп шинка/корчмы рассматривается как «локус соблазна», в котором происходит заключение договора между героем-человеком и нечистой силой, а мотив сна анализируется как «иномирие», грань, разделяющая человеческий и демонический, реальный и ирреальный миры. В исследовании выделяется, каким образом нечистая сила в гоголевской повести «играет» с пространством и временем, деформирует их, «морочит» таким образом главного героя.

Ключевые слова: хроникально-бытовое время, социально-историческое время, хронотоп дороги, хронотоп ярмарки, хронотоп шинка/корчмы, мотив сна.

Павельева Анна Костянтинівна,

кандидат філологічних наук, Полтавський національний технічний університет імені Юрія Кондратюка

ПРОСТОРОВО-ЧАСОВА СТРУКТУРА ПОВІСТІ М. В. ГОГОЛЯ «ПРОПАЛА ГРАМОТА»

У статті визначаються сюжетотворчі просторово-часові рамки повісті М. В. Гоголя «Пропала грамота» – містичний простір («нечисте місце» чи «пекло») та хронікально-побутовий і соціально-історичний художній час (епоха правління Катерини II). Автор дослідження вважає, що зав'язка повісті відбувається в рамках хронотопу дороги, який, у свою чергу, тісно пов'язаний із хронотопом ярмарку. Також хронотоп шинка/корчми розглядається як «нечисте» місце, «локус спокуси», у якому відбувається укладання угоди між героєм-людиною та нечистою силою а мотив сну аналізується як «інобуття», межа, що розділяє людський та демонічний, реальний та ірреальний світи. У дослідженні виокремлюється, як саме нечиста сила у гоголівській повісті «грає» з простором та часом, деформує їх, обдурюючи, таким чином, головного героя.

Ключові слова: хронікально-побутовий час, соціально-історичний час, хронотоп дороги, хронотоп ярмарку, хронотоп шинка/корчми, мотив сну.

Anna Pavelieva,

PhD of Philological Sciences, Poltava National Technical Yuri Kondratyuk University

SPATIO-TEMPORAL STRUCTURE OF THE SHORT-STORY BY N.V. GOGOL «THE LOST LETTER»

This scholarly article reviews subjectological and plot-building spatiotemporal framework of the tale by Nikolai Gogol «The Lost Letter: A Tale Told by the Sexton of the N...Church» – that is mystical space («the evil place» or «the hell») and chronicle-household and sociohistorical literary time continuum (the epoch of Catherine the Great's kingship). In the «real space» of this fiction the writer singles out the two main toposes – Baturin and Konotop. The author of this research highlights the fact that the set-up of this short-story begins within the frame of the road chronotope, which, in its turn, is closely linked to the fair chronotope. Within the sphere of the latter the red colour attains symbolic meaning. Beyond that, the tavern/inn chronotope is considered as «the temptation locus», in which there takes place the conclusion of the agreement between the character-human and the devilry. As for the dream motive, it is analyzed as the otherness, the verge that divides the humane and the daemonic, the real and the unreal worlds. This paper also describes, in what way the Evil One in Gogol's tale «plays» with space and time, deforms and distorts them, in such a way pulling the wool over the main character's eyes.

Key words: mystical space, chronicle-household time, sociohistorical literary time continuum, the road chronotope, the tavern/inn chronotope, the fair chronotope, the dream motive.

Гоголевскую повесть «Пропавшая грамота» обрамляют хроникально-бытовой и социально-исторический временные пласты (время «гетманщины»). В «реальном» пространстве данной повести Гоголь выделяет два топоса – Батурин и Конотоп. Автор дважды упоминает Батурин, гетманскую столицу, которую Вольтер называл главным городом Малороссии. Это позволяет приурочить социально-историческое действие повести к временам гетманства Кирилла Разумовского (1750–1764 гг.) и царствования Елизаветы I. В частности, такого мнения придерживается Е. Е. Дмитриева, утверждающая, что время действия в повести относится к периоду между 1750 и 1764 годами [4, с. 51].

На наш взгляд, в данном произведении автор изобразил времена правления Екатерины II, поскольку именно её Гоголь называет в «Вечерах» «царицей». Эта гипотеза косвенно подтверждается также ремаркой повествователя: «Нет, прошло времечко: не увидать больше запорожцев!» [3, с. 70] и его попыткой вспомнить фамилию генерального писаря при гетмане – А. О. Безбородько.

По мнению В. Я. Звизняковского, события повести приурочены ко времени постепенной агонии Гетманщины и Запорожья в середине XVIII века [2, с. 407]. Однако структурообразующую роль в данном произведении играет мистическое пространство, в пределах которого в мистическое (ночное) время происходит основное сюжетное действие и кульминация событий.

Завязка действия, думается, не случайно происходит в рамках хронотопа дороги. Дорога – «это место, где выстраивается судьба, <...> на этом пути можно попасть в ловушку, ибо дорога – место опасное. Вся гоголевская мистика связана с дорогами и подстерегающими на них испытаниями и опасностями», – отмечает Н. О. Осипова [7, с. 223]. Именно по пути к царице (очевидно, в Петербург) главный герой повести «Пропавшая грамота» сталкивается с нечистой и противостоит ей. Дед Фомы Григорьевича задержался в дороге, захав на ярмарку купить «огнива и табаку», вследствие чего оказался втянутым в «чертовщину».

Хронотоп дороги в данной повести тесно связан с хронотопом ярмарки. Хронотоп ярмарки у Гоголя относится к мистическому пространству-времени, а не к бытовому. На ярмарке гоголевские герои сталкиваются с «чертовщиной» («Сорочинская ярмарка») и «невидальщиной», «дьявольщиной» («Пропавшая грамота»). Они заводят неожиданные знакомства, которые в дальнейшем повлияют на их судьбы. В пространстве ярмарки символически значима красная одежда: красная свитка чёрта и «красные, как жар, шаровары» запорожца. Хронотоп ярмарки в рассматриваемых повестях Гоголя имеет, по нашему мнению, авантюрный характер: за два ярмарочных дня состоялось сватовство и свадьба влюблённых, а дед Фомы Григорьевича, спешно отправившийся гонцом к царице, потерял целый день на ярмарке, да ещё и поменялся с новым приятелем шапкой, в которой была зашита гетманская грамота.

Дед Фомы Григорьевича и его спутники продолжили путь в тёмную, беззвездную, мрачную мистическую ночь, когда нечистый должен был явиться за душой запорожца. В это время окружающее героев пространство, казалось, по всем признакам предвещало встречу с «нечистой». Эта ночь напоминает ночь в повести «Вий», когда трое путешественников свернули с большой дороги и заблудились. Сравним:

Таблица 1

Сравнение описаний ночи в повестях Н. В. Гоголя

«Пропавшая грамота»	«Вий»
«Было давно под вечер, когда выехали они в поле. Солнце убралось на отдых...» [3, с. 70].	«Был уже вечер, когда они своротили с большой дороги. Солнце только что село...» [3, с. 281].
«Но в поле становилось, чем далее, тем сумрачнее...» [3, с. 70].	«Сумерки уже совсем омрачили небо...» [3, с. 281].
«Если бы не обволокло всего неба ночью, словно черным рядом, и в поле не стало так же темно, как под овчинным тулупом» [3, с. 71].	«Ночь довольно темная. Небольшие тучи усилили мрачность, и, судя по всем приметам, нельзя было ожидать ни звезд, ни месяца» [3, с. 282].

В обеих повестях после кромешной тьмы героям показался «огонёк» – шинок (в котором и дед Фомы Григорьевича с приятелями, и Хома Брут с ритором и богословом остались заночевать), в пространстве которого происходит первая встреча с нечистой/ведьмой. Хронотоп шинка/корчмы у Гоголя представлен автором как «нечистое место», «проклятое место» (как, например, в конце повести «Вечер накануне Ивана Купала»). Однако он всё же является локусом обаяния, в пределах которого не только появляется чёрт/дьявол/ведьма, но и происходит контакт/сделка с героем-человеком. Примеры такого сюжетного использования хронотопа шинка/корчмы находим в повестях Гоголя «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Пропавшая грамота», «Заколдованное место», «Вий». Ю. В. Ветчинкина справедливо указывает, что в «Вечерах» шинок наделён статусом пограничного пространства и служит местом контакта демонического и бытового миров [1, с. 255].

В циклах Гоголя «Вечера» и «Миргород» нечистая сила «морочит» человека, «играет» со временем и, в особенности, с пространством. С помощью темноты она заставляет героев прекратить свой путь («Козаки наши ехали бы, может, и далее...» [3, с. 71], если бы не наступила кромешная тьма), генерирует страх, насылает «мертвецкий» сон. Такой сон в славянской мифологии уподобляется микросмерти или мнимой смерти, пребыванию в иномирии. Например, в «Пропавшей грамоте» попутчики, едва устроившись в шинке, уснули «мертвецким сном», главный герой «повалился, словно убитый»; Петруся Безродного (в повести «Вечер накануне Ивана Купала») охватил «мертвый сон», а Хома Брут (в повести «Вий»), улёгшись в клеву, приготовился «заснуть мертвецки». Этот сон также, по нашим наблюдениям, нередко выглядит искусственно. Так, он необычно долог. Петро проспал два дня и две ночи, «долго спал дед» Фомы Григорьевича и проснулся, когда «припекло порядочно уже солнце его выбритую макушку...» [3, с. 71], а кузнец Вакула в повести «Ночь перед Рождеством» проспал заутреню и обедню.

В произведениях Гоголя в бытовом пространстве чёрт не является перед человеком явственно, его очертания размыты и нечёткие. Например, в повести «Пропавшая грамота» из-за воза «что-то серое выказывает роги...», «показывается из-под воза чудище...» [3, с. 71]. Однако это происходит на грани сна и яви. Повествователь при этом уточняет, что «проклятая дремота все туманила» перед главным героем повести.

На поиски своей шапки казак, по словам рассказчика, отправился в «Такую ночь, в какую одни ведьмы ездят на кочергах своих»; «хоть бы звездочка на небе. Темно и глухо, как в винном подвале...» [3, с. 73]. Дорога к бесовскому логову пролегает, как и в народных сказках, через лес и реку. Переход в «нечистое» пространство символически оплачивается кровью героя: «Станет тебя терновник царапать...»; «проклятые шипы и сучья так больно царапались: почти на каждом шагу забирало его вскрикнуть» [3, с. 73]. Дорога через лес и реку является переходом из бытового пространства в пространство мистическое, из мира людей в преисподнюю, «пекло». Хронотоп дороги в «пекло» в повести Гоголя «Пропавшая грамота» отличается звуковыми и световыми контрастами. Глухая тишина и темнота сменяются грохотом и вспышками света: «Вдруг словно сто молотов застучало по лесу таким стуком, что у него зазвенело в голове. И, будто зарницею, осветило на минуту весь лес...» [3, с. 73].

У огня по ту сторону реки сидели «смазливые рожи», «нечистое племя», падкое до золота. Среди них была «ведьм такая гибель, как случается иногда на Рождество выпадет снегу». Черти предстали перед дедом в разнообразных личинах: «Свиные, собачьи, козлиные, дрофиные, лошадиные рыла – все повилягивались и вот так и лезут целоваться» [3, с. 74]. Ведьмы в повести сравниваются с панночками на ярмарке. Черти увивались около них, «будто парни около красных девушек». Более

того, среди «нечисти» были и свои «музыканты». Все чудища отплясывали «какого-то чертовского тропака», напоминавшего пляс запорожца на ярмарке в Конотопе. Этих танцующих бесов можно рассматривать как аллюзию на посетителей ярмарки. Автор не даёт прямого описания ярмарки в начале повести «Пропавшая грамота», но он косвенно описывает её, отождествляя хронотоп ярмарки с мистическим хронотопом «пекла». Здесь находит художественное воплощение принцип сформулированный Гоголем в повести «Ночь перед Рождеством»: «Чудно утроено на нашем свете! Все, что ни живет в нем, все силится перенимать и передразнивать один другого» [3, с. 83]. Точно так же и в повести «Вечер накануне Ивана Купала» мистический, «нечистый» мир пародирует, зеркально отражает человеческое пространство. В «Пропавшей грамоте» «чудища» не только вели себя, как люди, но и ели хлеб, «свинину, колбасы, крошенный с капустой лук и много всяких сластей», играли в карты.

В «пекле» «бесовское племя» деформирует пространство и время: деда «посадили за стол длиною, может, с дороги от Конотопа до Батурина» дали вилку размером с вилы, кушанья герой каждый раз отправлял «не в свое горло», а козырные карты непонятным образом превращались в его руках в простую масть («бесовское обморачиванье»). По справедливому замечанию Ю. М. Лотмана, известный эпизод в «Пропавшей грамоте», когда герой не может попасть вилкой в свой собственный рот, можно истолковать не только как деформацию (растяжение) пространства, но и как пример того, что дед и нечистая сила находятся в разных, но взаимоперекрывающихся пространствах [6, с. 629]. Е. Е. Дмитриева обратила внимание на приём проекции дороги, которую проделал дед, в мифологическое пространство, пекло – «стол длиною, может, с дороги от Конотопа до Батурина», в его зеркально-симметричном отражении [4, с. 63]. В. Я. Звизняцкий также считает, что в описании дьявольского стола Гоголь использует свойственный фольклорным текстам мотив зеркального отражения реального пространства [2, с. 410].

В повести «Пропавшая грамота» дьявольский мир держится на пространственных подменах, совершаемых незаметно для человека. Всё в этом чёртовом пространстве возникает из ниоткуда и исчезает неведомо куда, например: «откуда не возьмись шапка – бух деду прямехонько в лицо». Как только чёрт «хлопнул арапником», под казаком взвился «конь, как огонь». Здесь можно провести параллель с повестью «Майская ночь, или утопленница». В эпиграфе к первой главе данного произведения упоминалось: «тільки ж куди чорт уплетеця, то верть хвостиком – так де воно й візмеця, неначе з неба» [3, с. 45].

Временные и пространственные границы демонического мира в «Пропавшей грамоте» раздвигаются, расширяются, препятствуя возвращению героя домой. Дед Фомы Григорьевича, без особого труда добравшийся к бесам через лес, долго выбирался обратно, пролетая над провалами и болотами, и только под утро был сброшен с сатанинского коня прямо на крышу своей хаты.

В финале повести автор сообщает, что в эту же ночь жене деда снилось, как «печь ездил по хате, выгоняя вон лопатой горшки, лоханки, и черт знает что еще такое» [3, с. 76]. Получается, что в одно и то же время дед рассказчика и его жена находились в мистическом пространстве: казак – наяву, а его супруга – во сне. Пребывание в таком пространстве не прошло для героя бесследно: с тех пор каждый год, ровно в то самое мистическое время, с женой деда Фомы Григорьевича «делалось такое диво, что танцуетя, бывало, да и только».

Итак, в пространственно-временной структуре повести Гоголя «Пропавшая грамота» ключевую роль играет мистическое пространство – «нечистое место» или «пекло», в котором главный герой столкнулся с разными проявлениями «дьявольщины» и едва не лишился собственной души. Кроме того, структурообразующие функции в данном произведении выполняют мистическое и социально-историческое время, а также хронотопы ярмарки, дороги и шинка.

Литература:

1. Ветчинкина Ю. В. Локус шинка в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя. *Гоголевский сборник*. Вып. 2(4). Санкт-Петербург, Самара : Изд-во СГПУ, 2005. С. 255–256.
2. Гоголь М. В. Вечори на хуторі біля Диканьки; Миргород ; упоряд. тексту, авт. ст. та прим. В. Я. Звизняцьковський; іл. С. Г. Якутовича. Київ : Либідь, 2008. 488 с.
3. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : [В 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Гл. ред. Н. Л. Мещеряков; Ред. : В. В. Гиппиус (зам. гл. ред.), В. А. Десницкий, В. Я. Кирпотин, Н. Л. Мещеряков, Н. К. Пиксанов, Б. М. Эйхенбаум. [М.; Л.] : Изд-во АН СССР, 1937–1952.
4. Дмитриева Е. Е. К вопросу об «исторических неточностях» в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». *Н. В. Гоголь : Загадка третьего тысячелетия : Первые Гоголевские чтения* : Сб. докл. М. : Книжный дом «Университет», 2002. С. 49–63.
5. Еремин М. А. «Очевидное» и «невероятное» в художественном мире Н. В. Гоголя и В. А. Пьецуха. *Шестые Гоголевские чтения : Материалы докладов и сообщений Международной конференции*. М. : КДУ, 2007. С. 288–299.
6. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя. *О русской литературе : Статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы*. СПб. : «Искусство-СПБ», 1997. С. 621–658.
7. Осипова Н. О. Мифологема пути в художественном пространстве петербургских повестей Гоголя. *Н. В. Гоголь и народная культура. Седьмые Гоголевские чтения : Материалы и сообщения международной конференции*, Москва, 30 марта – 4 апреля 2007 года. М. : ЧеРо, 2008. 416 с. С. 220–227.